ЮРИЙ ТРУБЕЦКОЙ

ТЕРНОВНИК

СТИХИ

РИФМА
Издательство имени Ирины Яссен
ПАРИЖ
1962

ПАМЯТИ ИРИНЫ ЯССЕН

Того же автора:

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ. 1948. Бавария.

ДВОЙНИК. Издательство «Рифма». Париж, 1954.

ЮРИЙ ТРУБЕЦКОЙ

ТЕРНОВНИК

СТИХИ

РИФМА
Издательство имени Ирины Яссен
ПАРИЖ
1962

Голос пел мне про те долины,
Где терновник и тишина,
Где высокий клик журавлиный
И предутренняя луна.

Там синеет сентябрьский воздух,
Как лампады мигают звезды
И забвеньем пахнет трава.

Помню, помню — через забвенье —
Тех стихов померкшие тени
И ласковые слова.

...особенно русское небо
И русские облака.
Давно, как давно ты там не был,
Какая там, к черту, тоска!

Все выверты, декадентщина,
Уж лучше, мой друг, помолчи...
Мимо вагонов женщины
Идут под дождем. И грачи.

...особенно, может быть, Пушкин,
Всего вероятнее — Блок.
Уткнуться скорее в подушки
И звать. Но не слышит Бог.

1952

Говорить о смерти страшно,
Но еще страшнее умирать
Медленно, от горечи всегдашней,
Тошной как больничная кровать.

Но еще страшней глядеть на небо,
Слушать ветер, кутаясь в пальто:
Нет конца. Неразрешимый ребус.
Белый холод. Черное ничто.

1953

Там — лишь черная вода.
Там — забвенье навсегда.

Александр Блок

Веет ветер. Вьется снег.
Погибает человек.

Птицы черные летают,
Звезды розовые тают,

Шепчет черная вода,
В ней забвенье навсегда.

Воет пес. В дремучем небе
Шарит луч — колючий стебель.

Ветер в поле клонит хвощ,
Выпадает черный дождь.

А с монгольской рожей робот
Протянул над миром хобот

И наставил автомат.
Нет спасенья, нет преград.

Птицы черные пророчат,
Стаей вьются, клювы точат.

Шепчет мутная вода —
В ней забвенье навсегда.

1953

Ольге Перхорович

Этой нежной глицинии
Лепестки чуть дрожат.
Небо чистое, синее,
Желтоватый закат.

Как же быть с этой горестью,
Вянет цвет навсегда —
В чашке глиняной, пористой
Убывает вода.

1954

1

Все так тускло и пошло
И конца ему нет —
Разговоры о прошлом
И о будущем бред.

Все ненужно-нелепым,
Грубым кажется мне —
Это серое небо,
Этот дождик в окне.

2

Чем я живу? Какая пустота...
И даже днем так дремлется и спится.
Как надоела эта суета
И книг однообразные страницы.

Встает весна. Бледна и холодна.
Пылит шоссе и небо розовеет,
А эта жизнь, что свыше мне дана, —
Как этот день, бессмысленно тускнеет.

1954

Когда-нибудь увижу наяву
То, что во сне так часто, часто вижу:
Пахучий ветер ляжет на траву
И все вокруг нежнее станет, ближе.

Но вряд ли... Может быть осенним днем
Пройдут вагоны мимо с тихим шумом,
Уедет кто-то... может быть о ком
Всю жизнь продумал неотвязной думой.

Когда-нибудь...
Предгрозье. Облака.
В саду тюльпаны ветер обрывает.
И равнодушно времени река
Мечты мелькнувшие смывает.

1955

Юрию Терапиано

1

Кажется мне, что увижу,
Только бы поскорей,
Тех, кто когда-то был ближе
Всех дорогих людей.

Но они уже не такие...
— Помните зимний Киев?
— Помните улицу? Дом? —
Нет. Я совсем о ином.

А о том, что бессонницы хуже
И печальней чем дождь ночной,
Когда по осенним лужам
Возвращаюсь поздно домой.

2

Ты все позабудешь навеки...
Вдруг — еле заметная дрожь,
Сомкнутся усталые веки,
Но ты ничего не поймешь.

Вот разве сады в увяданье,
Холодные косы берез
И низкие серые зданья,
И ранний свинцовый мороз.

Ты все позабудешь. И только
Останется где-то тетрадь,
Где ярко-закатная фольга
Еще продолжает сиять.

1955

Под этим небом черной неизбежности
Поговорим о счастье и о нежности...

Как это было раньше благодатно
И как теперь мертво и невозвратно.

Под синим небом, там, за Феодосией,
Мы помнили о радости и осени.

Поговорим о милом Коктебеле!
Но разве это было все на самом деле?

Шумело море, парус исчезал...
О чем, о чем тогда поэт писал?

Под этим небом новых черных бед
Уже тебя не радует поэт.

Я помню как тогда Максимильян Волошин
Читал стихи. Была нестрашной ноша,

Которую нам присудил Господь:
За кровью — кровь, за смертной плотью — плоть.

Была надежда, было утешенье.
Теперь же страх, обман, уничтоженье.

1956

1

Тогда мы встретились с тобой случайно,
На миг один.
Ты помнишь холод, переезд трамвайный
Через Берлин?

Как будто с древнего иконостаса
Архистратиг,
Ты помнишь, вдруг тогда, на Фридрихштрассе
Нас снег застиг?!

2

Хочешь вспомнить, а забываешь...
Каждый день ненужно-нелеп.
Шорох шин и звонки трамваев,
Дома — скука и пресный хлеб,
Дым табачный, остывший кофе,
Невеселый склоненный профиль
У окна. А за мутным стеклом —
Талый снег, две березы, дом...

1944—1956

Когда руладой соловьиной
Врывалось лето мне в окно,
Когда прохладные долины
Росы колючее вино

Глотали жадно, —
почему-то
Я помнил мелочи: платок,
Стило с блокнотом. (В это утро
Особенно алел восток...)

«Дубровского» читал. Сквозь прозу
Угадывал ритмичный строй.
И этот чужеземный воздух
Был как лекарственный настой.

1957

Все будет так. Исхода нет.

Александр Блок

1

Ведь все равно все повторится:
Холодный вечер, край зари,
Мелькающие вереницей,
Вдруг вспыхнувшие фонари.

А новое? Оно не лучше...
Зачем же всматриваться так
В лилово-огненные тучи
И в надвигающийся мрак!?

2

Повторяется, все повторяется:
Дни и встречи, недели, года...
Та же самая загорается
Между веток плакучих звезда.

Да и пенье такое самое,
Что я слышал когда-то, давно,
Над Ладогой и над Камою,
Над Невою и над Двиной.

1

Потерял я тебя навеки...
Дождь в окно все стучит, стучит.
Отекли от дремоты веки,
Лоб и руки так горячи.

Даже имени не припомню,
Что-то кажется мне на «В».
Помню город пустой, огромный,
Месяц в утренней синеве.

2

Как снова небо холодеет
Над побледневшею зарей.
И снова мелкий дождик сеет
И прыгает по мостовой.

Под зонтика раскрытым шелком
Иду как всякий человек.
Сквозь дождь, переходящий в снег,
На мир поглядываю волком.

Да, безразличье, пожалуй, труднее...
Трудно молчать. И зачем? Почему?
Вечер дождливый тает в дыму,
Медленно каплет в сырой аллее.

Если б узнать, что там есть за чертой?
Может скучнее, темнее и диче?
В призраках, веющих бледной толпой,
Разве узнаешь тогда Беатриче?

От безразличья не спрячешься. Трудно.
Только идти под дождем, в никуда.
Слушать — под ветром поют провода
Улицей спящей, холодной, безлюдной.

1957

В порыве, что ли, нежности,
Другого ли чего...
А может только вежливость
Соседа твоего...

Ты помнишь, поздно вечером,
Балкон, с вареньем чай?
Так ласково-застенчиво,
А может невзначай

Ты вспомнила Швейцарию
И встречу, с тем, другим.
Потом — стихи Цветаевой
И папиросный дым.

1957

Софии Прегель

1

Дотащиться до цели. А может
Этой цели-то вовсе и нет?!
Кто-то руку на сердце положит
И погасит мигающий свет.

Осень, осень. Какая по счету?
Не сочтешь и собьешься. Потом
Будешь силиться вспомнить кого-то
И жалеть неизвестно о чем.

2

Книга детства давно потеряна
Или заброшена на чердак.
Листья роняет дерево,
Как жизнь роняет года.

И с непонятной усладою
Твержу невпопад:
— Падают листья, падают,
Вьются, летят... —

Воспоминанья, стихи и прочее —
Разве их разорву?
В доме, давно заколоченном,
Нетопыри и мыши живут.

1954—1958

Это было похоже на море, на синие звезды.
Это было похоже на то, чего нет...
Это — только осенний, расплеснутый возду́х,
Это — только бессонный, горячечный бред.

Мы прощались сегодня. Ведь встречи не может быть
[завтра!?
На разлужье синело. Горел одинокий фонарь.
Мы сидели с тобою на мокрой приземистой лавке,
Время тихо журчало над нами, журчало как встарь.

Время... Времени нет. Наплывают шумящие кроны.
Наплывает пожар между сосен встающей луны.
Улетает разлука и молодость. И беззаконно
Надвигается ночь, надвигаются грозные сны.

Это было похоже на запах сиреневой ветки,
Что спадает росой ледяной на лицо и ладонь,
На луну, пробегавшую в облачной розовой сетке,
На далекий, в полянах пустынных, огонь.

1958

Мир нелеп. Еще по Блоку
Страшен он. Нелеп и глух.
От заката до востока
Музыка терзает слух.

Чем нелепей отвлеченность,
Тем ужаснее она.
Петербургские колонны,
Этот отзвук отдаленный,
Эта страшная страна.

Музыка из Петербурга.
Волчье солнце. Черный снег.
На равнине желтобурой
Одинокий человек.

Медный Всадник настигает
Белой ночью, черным днем.
Огонек дрожит, мигает,
Блок в постели умирает,
Позабудут все о нем.

Кипарисы увядали
В окровавленном Крыму.
Гумилева расстреляли,
Остальных свезли в тюрьму.
Не в тюрьму, так в Колыму.

1958

Я знаю, знаю — не придешь,
Не постучишь в окно.
А там дождя сырая дрожь
И музыка в кино.

Там жизнь чужая хороша
И празднично светла.
Зачем, изменница душа,
Ты к краю подошла?

Зачем с насмешкой мне даешь
Бумаги чистый лист?..
В окне дождя сырая дрожь
И ветра скользкий свист.

1959

...и праздничная скука; дождь, туман.
И елка с пестрыми стеклянными шарами...
С Атлантики несется ураган,
Свистящий в печке и оконной раме.

Темнеет. Пряники грызу от скуки.
Устал писать. Глаза устали, руки.
Всегда так в праздник. Вспомнил обо всем
Чем был богат. Какой-то душный ком
Воткнулся в горло. Сумерки все глуше...

Мне надо стать бесчувственней и суше...

1959

Быть может много лет, как миг один, пройдет,
Мы, встретившись, друг друга не узнаем.
И будет день как день, и год как год,
Погода та же, темная, больная.

Декабрь и липкий мрак. И крыши все в снегу.
Дела и люди. Книг бесценных строки.
И тех же поездов в пространствах долгий гуд,
И скудный свет на пасмурном востоке.

И мы поймем, вмешавшись в суету:
Все та же жизнь, ничтожная, пустая,
Ловя прекрасный бред, сверкнувший на лету,
Мучительно о чем-то вспоминая...

1959

Черный сад в снегу новогоднем.
Почему я весел сегодня?

Потому что забыл, забыл
Свежий снег на гребнях могил,

Синий снег на церкви покатой...
И опять ворожат закаты

Над январской тихой землей,
Над забвеньем и надо мной.

Утешенья прошу у Бога,
Отдохнуть я хочу немного...

1960

Запомнилась мне песня,
Что русский пел шофер.
Есть много интересней,
Прелестней и чудесней,
Что вложены в размер
Мелодии и ритма,
Погоды и людей —
Симфонии, молитвы
С эссенцией идей.

А эта привязалась
Как муха, как комар.
И долго оставалась,
Пока пришла усталость,
Постель и сон-кошмар.

Все это от шофера?!
Не призрак ли шофер?!
Всему есть будто мера —
Забвенье например!

Но знаю, что услышу
Ее опять в окно —
Споют коты на крыше.
И лихо будет лише
Как горькое вино.

Нет ни гудков, ни стука.
Постель. В окне луна.
«Разлука ты, разлука,
Чужая сторона»...

1960

Ничего не будет...
Ни прощенья, ни воскресенья,
Ни даже крохотного утешенья.
Останутся только люди
(Неандертальские чучелы!),
Суета, конференции, рынки, синема...

А то, что всю жизнь мучило,
Эта подземная тьма,
Недомоганья, разуверенья,
Проза, стихотворенья,
Фамилии, имена, отчества,
Домик в сад и окно —
Все уйдет. И будет одно
Одиночество...

1960

Пусть книги лгут, но все же что-то есть,
Хоть смутное, хоть еле ощутимо...
Изгнанье, ложь, поруганная честь —
Пройдут, пройдут, как жизнь проходит мимо.

А человек подводит злой итог,
Сбивается. И вновь припоминает.
И думает: «Что, если спросит Бог?» —
И мысленно он Богу отвечает.

1960

Леониду Страховскому

В Петербурге, давным-давно...
Для чего ты о прежнем бредишь?
Все равно туда не поедешь,
А куда? Не все ли равно?

Все равно... По-осеннему колкий,
Ветер рвется в пустые сады.
Небо точно из мутной слюды.
Бродят улицей люди без толку...

Рано я закрываю окно.
Скоро ночь. О, как долго длится!
Возникают какие-то лица,
Все мерещится и все снится —
В Петербурге. Давным-давно...

1960

Не лицемеря. Просто. Без стыда...
Не роботом — бездушным манекеном...
Прощенье? Но наверно никогда...
Последняя, падучая звезда,
Так упоительно и так мгновенно.

Что жалобы, несущиеся ввысь!
Что темное, холодное забвенье!
О, только раз вздохни и улыбнись,
Придуманное райское виденье!

Не лицемеря, просто я сказал...
Быть может поздно? Но нельзя ведь сразу!
. . . .
Вдруг фейерверк по небу разбросал
Трескучие рубины и топазы.

1960

Перешагни через мой порог,
Видит Бог как я одинок!

Это тучи клубясь летят,
За окном оскудевший сад.

Вместо неба — тусклая муть,
Не взглянуть в него, не вздохнуть.

Это — снова сомкнулся круг.
Скоро дни непогод и вьюг.

Печка, лампа, письменный стол...
Ветер зимнюю песню завел

О той баснословной стране,
Где мы будем только во сне.

1960

Трижды каркнул черный ворон,
Трижды свистнул паровоз...
Уезжаешь, значит, скоро?
Много слов и мало слез

О ненужном и о важном,
О существенном самом.
Вдохновением бумажным
Станет это все потом.

Трудно сердце успокоить.
Каркнет ворон, снег пойдет,
Белым саваном покроет,
Колыбельную споет.

1960

Голос твой, что нежно звучал,
Изменился, охрип, устал...

Но сияет осенний снег
Обещаньем нездешних нег.

Разве ты меня упрекнешь
За мою невольную ложь?

Легкий снег на перила лег,
Воробей на них как комок.

Голос твой как прежде звучит,
Снег осенний лег на гранит.

Вьются галки на желтой заре,
Так бывает лишь в ноябре.

1960

Не от счастья, не от скуки
Вызываю образ твой.
Значит ночью будут стуки —
Дробь дождя над головой.

Значит — вдруг проснулась птица,
Шевельнув слегка крылом,
Мне не спится, ей не спится
В этом шуме дождевом.

Значит — ты со мною рядом,
Нет тебя, но рядом ты
Дождевым бормочешь садом,
Искры шлешь из темноты.

1961

Весенняя, бессмысленная нежность —
Твои глаза и голос... Погоди,
Я расскажу тебе про безнадежность,
Про нестихающую боль в груди.

Про то, о том... А облака пылают,
Деревья зеленеют на ветру.
Я знаю, так последнее встречают,
Доигрывая скучную игру.

Но — нищий, обойденный подаяньем —
Я как отрава в жизнь твою войду...
Закатных туч последнее пыланье,
Багрянцем отраженное на льду.

1961

Для иных ты и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.

Александр Блок

Мы с тобой не в ладу, пожалуй!
Столько слов растрачено зря...
Над моей жизнью усталой
Догорает уже заря.

Мы с тобой не в ладу. А прежде
Я не звал, а вот ты сама
Говорила о всяких надеждах,
Тихим пеньем сводила с ума.

Мы с тобой... (Как звучит банально!)
Далеко, в проклятом краю
Повторял я сентиментально
Неземную песню твою.

Ты сводила с ума? Неверно.
Я выдумывал, я грешил,
Подбирая рифмы, размеры —
Но не было в них души...

Снег сечет над дорогой талой,
В пепле туч сгорает закат.
Мы с тобой не в ладу, пожалуй,
В этом только я виноват.

1961

Зеленым дождем без конца
Качаются ветви березы.
Как будто рисунок лица,
Сквозь светлый, немеркнущий воздух.

Как будто прошедшие дни
Несутся как птицы над нами.
Ты руку ко мне протяни,
Ответь мне простыми словами.

Трепещущим, легким дождем,
Сквозь свет голубой, незакатный.
Подумай, подумай о том,
Что это уже невозвратно!

1961

Ирине Одоевцевой

Есть встречи —
доля секунды,
Но думаешь — навсегда!
А то, что было так скудно,
Нелепо и безрассудно
Кануло.
Навсегда.
И видишь: на вешней лужайке
Пасторальная красота,
Ласточек легких стайки,
Роса блестит на кустах.

Облако в небе тает,
Зарею горит река.
Дудочки
песня простая
Босоногого пастушка.

Мгновенно узнаешь —
было!
Беседка, заросший пруд.
И то, о чем сердце просило
Исполнилось!
Близко!
Тут!
Вдруг:
резким, колючим током —

Вагоны бегут в закат...
И видишь, что это только
Виденье...
                И сам не рад,
Что выдумал нереальность!
А встреча?
                Так, ерунда...
О, Боже мой, как печально
Щемящее «никогда»!..

1961

Что, если нет никакой зацепки?
Что, если главного нет?
И то, что связало как будто крепко —
Бездушный и пьяный бред.

Казалось: что может быть хуже привычки,
А вот привыкли. И так живем.
Увы — перелетно, как-то по-птичьи.
И какое-то тянется безразличье
И отвращенье потом.

1961

О, это обещанье рая —
Не ложь, не истина, увы!
Свеча растает догорая
И будет проблеск синевы
В окне, задернутом поспешно —
Все от покорности судьбе.
И шаг последний, горький, грешный,
Но все ж стремящийся к тебе!

О, эти злые обещанья.
Надолго ли? На сотни лет?
...Лишь веток мерное качанье
И нищий, медленный рассвет.

1961

На ленте кровавой зари
Качаются черные сучья.
О прошлом не говори,
Молчать может быть лучше.

Все тебе расскажу,
С начала и по порядку...
Какая бывала жуть,
Не все же бывало гладко!

О грешной душе моей,
О черном ветре изгнанья,
О вереницах дней
Бесплодного ожиданья.

Я ведь не виноват,
От тебя ничего не скрою...
Какой кровавый закат,
Может перед бедою?!

1961

Ноябрьские сумерки были. Немели
Ненастные улицы, сад, фонари...
Я только спросил: навсегда? неужели?
А после шептал: повтори, повтори...

Летели машины в тумане. Горело
Далекое зарево — город сиял.
А сердце? Как бедное сердце болело.
Я боль пересилил и долго молчал.

(Глагольные рифмы... Иначе не скажешь!)
Потом разговор. Как всегда, ни о чем.
Вернешься домой. Почитаешь и ляжешь
Под ровно сияющим, мертвым огнем.

Под этим огнем. Я бы понял иначе!
Ведь встретить судьбу я давно уж готов.
Теперь уже поздно. Теперь не заплачешь,
И может быть больше не надо стихов...

1961

За то, что не сбудется. Я понимаю...
За то, чего нет. За последний расчет.
Когда-нибудь **там,** лучезарного мая
Сияющий бред, как сирень зацветет.

За то, что увидимся где-то на кромке
Полярного льда у гренландских земель —
И вспомним, как **здесь,** неуверенно-ломко
О счастье неверном нам пела свирель.

Imprimerie BERESNIAK
20, rue du Faubourg du Temple
PARIS (11[e])